

Гу Да-пёс, нарастив себе несколько дополнительных слоев наглости, прилип к Линь Го сзади и, накладывая ему еду, приставал с вопросами.

В конце концов Линь Го не выдержал и, бросив Гу Чанъаню «Нормально», уткнулся в тарелку.

Получив ответ, Гу Чанъань распушился, как гордый петух. Лево́й рукой подливая Линь Го суп, правой он не умолкал:

— Эх-хе-хе, я вот иногда тебе завидую. Есть у тебя такой замечательный муж, как я. И стирает, и готовит, домовитый какой, полы до блеска натирает. Ладно бы просто красавчик да умник, так еще и размер сноровка...

Услышав эти четыре слова, Линь Го, как бы ни был полон решимости игнорировать самовосхваляющегося Гу Да-пса, больше не смог сдержаться и запихал ему в рот два кусочка холодного горького огурца.

Гу Чанъань, упиваясь счастьем, что его кормят, смачно причмокнул:

— Вот видишь, даже горький огурец — а знаю же, что ты горькое не любишь, — я сделал не горьким. Малыш, скажи, я молодец? Хотя бы за этот огурец ты сегодня должен любить меня чуточку больше, а?

— Люблю, люблю, очень люблю. Да заткнись ты уже. Если бы другие хвалили — куда ни шло, но самому себя нахваливать с таким энтузиазмом — это же смешно.

Гу Чанъань, ухмыляясь, снова налил Линь Го супа.

— Я просто напоминаю, чтобы ты и сегодня меня любил побольше. Давай, пей суп, я соли много не клал, полезно.

— Хватит уже, ешь сам, — сказал Линь Го.

— Ладно, — Гу Чанъань пару раз отхлебнул, затем снова поднял голову и уставился на Линь Го.

Линь Го потрогал свое лицо.

— Чего уставился?

— Все равно как во сне.

— Что?

— Вдруг начали встречаться, вдруг съехались, вдруг вчера поругались, помирились и в кровать — все в одном флаконе. Хех, волшебство какое-то.

Линь Го ткнул Гу Чанъаня лицом в тарелку.

— Потом покупки сам несешь, я ничего не понесу!

— Я и не собирался тебя нагружать. У моего сокровища ручки белые да нежные, куда уж тебе сумки таскать? Натрутса, покраснеют — я же забеспокоюсь.

Линь Го почувствовал, как у него на виске задергалась вена, и бросил на Гу Чанъаня свирепый взгляд.

— Если хочешь сегодня на диване ночевать — продолжай в том же духе.

Под угрозой изгнания с кровати Гу Чанъань наконец принялся за еду как следует.

После еды Линь Го растянулся на диване и смотрел телевизор.

Гу Чанъань принес тарелку с нарезанными яблоками, сел на ковер и принялся массировать Линь Го поясницу.

— Не устал? Я в интернете читал, что потом бывает очень тяжело, поясница ноет. Может, сегодня никуда не пойдем, ходим через пару дней?

— Пойдем после того, как доем, — Линь Го накалывал яблоки на вилку. — Может, это у тебя не очень получилось? Кроме поясницы, которая немного ноет, в целом нормально.

Почувствовав, что руки на его пояснице замерли, Линь Го сказал:

— Продолжай, не ленись.

Гу Чанъань не двигался.

Линь Го обернулся взглянуть и увидел, что Гу Чанъань смотрит на него обиженными глазами. Линь Го приподнялся и погладил его по голове.

— Я пошутил. Ты был великолепен, правда.

Гу Чанъань продолжал дуться.

Линь Го потратил уйму времени на уговоры, прежде чем Гу Да-пёс восстановил единицу здоровья.

Зная привередливость Линь Го, Гу Чанъань, сняв квартиру, расставил только крупную мебель. Мелкие вещи вроде подушек и ковров покупать не стал — планировал дождаться, когда Линь Го вернется в город Х, и съездить вместе в «Икею», выбрать то, что тому понравится.

Вчера, когда Гу Чанъань об этом сказал, Линь Го вроде бы буркнул: «Сам бы купил, зачем меня ждать, неудобно же». Но по его виду Гу Чанъань сразу понял, что госпожа Гу в душе сейчас ликует.

Поймав такси, они доехали до «Икеи». На эскалаторе Гу Чанъань с важным видом изрек:

— Держись за меня крепко, не потеряйся, а то я буду волноваться.

Линь Го отпрянул от него, как от чумы, и прошипел:

— Мы же на людях!

Услышав это, Гу Чанъань потупил взгляд, но почти сразу снова поднял его и, улыбаясь, пошел за Линь Го.

— Ладно, понял. Я катую тележку, ты выбирай.

**\*\*Примечание автора:\*\***

На сегодня хватит. В последние дни я ленив.

Планирую закончить до начала учебы.

Флаг поставлен — сбудется или нет, не важно, главное, поставить.

Прошлись по магазину — уже без пятнадцати два. К счастью, на людях Гу Чанъань вел себя относительно прилично: если не считать пары похабных шуточек, больше ничего.

Гу Чанъань уже собрался вызывать такси, но Линь Го, заглянув в телефон, отговорил его.

— Сорок шесть юаней? Не надо, не надо. Поедем на автобусе.

— С таким количеством вещей в автобусе же неудобно. Сорок с лишним юаней — не такая уж большая сумма.

— Какого количества? Только ковер место занимает, а так — ерунда. Пошли, пошли, на автобусе. — Линь Го протянул руку, чтобы взять сумку. — Вдвоем понесем — и не тяжело. Сорок с лишним юаней — нам на обед хватит. Сейчас расходы большие, надо экономить.

Гу Чанъань переложил пакет в другую руку, а правой взял протянутую руку Линь Го.

— Куда уж тебе таскать. Пошли, на автобусе.

К счастью, место было на окраине города, и в автобусе пассажиров оказалось немного. Они устроились на задних сиденьях, и в целом было довольно спокойно — если бы водитель не гнал автобус, как гоночный болид.

Выйдя на остановке, Линь Го, опершись на тоненький ствол дерева, склонился в сухом спазме. Гу Чанъань, одной рукой держа пакеты, другой похлопывал его по спине.

— Ничего, Гого? Куплю тебе воды?

— Не надо. — Линь Го махнул рукой и потер виски. — Просто водитель лихачил, укачало. Пошли, домой.

От остановки до жилого комплекса «Лобэй» оставалось метров триста-четыреста. Гу Чанъань хотел, чтобы Линь Го оперся на него, чтобы тому было легче идти, но Линь Го, фыркнув, как разъяренный котенок, оттолкнул его руку и заявил, что пойдет сам. Так Гу Чанъань и поплелся следом.

Со стороны Линь Го казался образцом приличия — держался круто и независимо. Но стоило открыть дверь, как он, скинув обувь и даже не надев тапочки, плюхнулся на диван, заныв:

— Умотал меня...

Гу Чанъань аккуратно поставил их обувь, принес Линь Го тапочки, положил их у дивана, затем приподнял одну его ногу, сел рядом и, уложив ее себе на колени, начал массировать.

— Так долго ходили — как не устать? Да и автобус так трясло. Поясница болит?

Линь Го блаженно застонал.

— Не болит. Ниже. Просто устал, будто целый день кирпичи таскал...

Гу Чанъань помассировал ему ноги несколько минут и, когда тот немного пришел в себя, сказал:

— Я разберу вещи, ты отдохни. Позову, когда обед будет готов.

— Я помогу. — Линь Го оперся на локоть, собираясь подняться, но Гу Чанъань погладил его по голове.

— Отдыхай, я сам справлюсь.

Линь Го лежал на боку, а Гу Чанъань, понимая его с полувзгляда, выкладывал вещи одну за другой на пол. Ковры, лампы, одеяла — все это выбирал Линь Го, так что ему даже не нужно было указывать, куда что ставить. Гу Чанъань расставлял все именно так, как тот и представлял.

Собрав лампу и тележку, Гу Чанъань снял чехлы с подушек, а сами подушки подложил Линь Го под поясницу.

— Разве так лежать удобно? Подложи.

— Удобно. Я хочу на тебя смотреть. — Линь Го приподнялся и поцеловал Гу Чанъаня в руку.

Гу Чанъань, уголки губ задорно поднявшись, наклонился и поцеловал Линь Го в щеку.

— Что хочешь на ужин?

— Неважно. Может, закажем? Ты же устанешь готовить.

— На такси жалеешь, а на доставку — нет? — Гу Чанъань взял чехлы, пододеяльники и наволочки, рассортировал по цвету и загрузил светлые в стиральную машину, засыпав порошок. — Я с радостью для тебя готовлю. Все, что связано с тобой, я делаю с радостью.

Линь Го вскочил с дивана и обнял Гу Чанъаня сзади.

— Что, тронуло? — ухмыльнулся Гу Чанъань.

— Угу.

Гу Чанъань нежно похлопал его по рукам.

— Вечером сварю рисовой каши, поедим чего-нибудь легкого. Тебе еще пару дней на жидком сидеть.

— Хорошо. — Линь Го обошел Гу Чанъаня, встал на цыпочки и поцеловал его. — Спасибо, муж.

— Да не за что... Эй, стой, как ты меня назвал?

Гу Чанъань протянул руку, чтобы схватить Линь Го, но тот ловко увернулся, скорчил рожицу и показал язык.

— Назвал тебя большим тупым псом, бу-бу-бу!

Всю вторую половину дня Гу-домохозяйка провела в трудах. Настроила стиральную машину — побежала замачивать рис для каши. Едва помыла овощи — выскочила из кухни развешивать

белье. Вернулась — принялась за готовку. Линь Го крутился рядом, пытаюсь помочь хоть чем-то, но домохозяйка лишь отмахивалась: иди, играй, не мешай.

<http://bllate.org/book/16270/1464358>